

Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti

Sharqshunoslik. Востоковедение. Oriental Studies

SHARQSHUNOSLIK
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ORIENTAL STUDIES

Jurnal websayti:

<https://orientalstudies.uz/index.php/os>

IBN BATTUTA - MUSILMON MARCO POLOSI

Timur Muxtarov

*Filologiya fanlari doktori, professor,
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti
Toshkent, O'zbekiston*

MAQOLA HAQIDA

Kalit soʻzlar: shahar, Qohira, Nil, karvon, xalifa, sulton, dinor, xonaqoh saroy, Hindiston, choʻl, masjid.
Annotatsiya: Mazkur maqola oʻrta asrlarning taniqli arab sayohatchisi va geografi – Ibn Battutaning hayoti hamda faoliyatiga bagʻishlangan. Chorak asr davomida tadqiqotchi sayyoh musulmon dunyosining deyarli barcha mamlakatlariga, Hindistonga, Xitoyga tashrif buyurdi. Ibn Battutaning Oʻrta Osiyoga tashrifi haqidagi qaydlari alohida qiziqish uygʻotadi.

IBN BATTUTA - MUSLIM MARCO POLO

Timur Mukhtarov

*Doctor of Philology, Professor,
Tashkent State University of Oriental Studies
Tashkent, Uzbekistan*

ABOUT ARTICLE

Key words: city, Cairo, Nile, caravan, caliph, sultan, dinar, khanaka palace, India, desert, mosque
– **Abstract:** The article is devoted to the life and activity of Ibn Battuta, an outstanding Arab traveler and geographer of the Middle Ages. During a quarter of a century of wandering the explorer visited almost all countries of the Muslim world, India and China. Ibn Battuta's notes on his visit to Central Asia are of particular interest.

ИБН БАТТУТА – МУСУЛЬМАНСКИЙ МАРКО ПОЛО

Тимур Мухтаров

*доктор филологических наук, профессор,
Ташкентский государственный университет востоковедения
Ташкент, Узбекистан*

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: город, Каир, Нил, караван, халиф, султан, динар, ханака дворец, Индия, пустыня, мечет.

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности выдающегося арабского путешественника и географа средневековья Ибн Баттуты. За четверть века странствовании землепроходец посетил почти все страны мусульманского мира, Индию, Китай. Особый интерес представляют записки Ибн Баттуты о посещении им Средней Азии.

ВВЕДЕНИЕ

“Живший в XVI веке магрибинец Ибн Баттута, несомненно, должен быть признан величайшим среди всех путешественников, которых знал древний мир и средневековье. Даже достижения Марко Поло бледнеют (если не по их значению для истории культуры и литературы, то по широте охвата и дерзновению) в сравнении с поразительным трудом, которому была посвящена вся жизнь этого любителя путешествий. За 26 лет он объездил почти все нехристианские страны, известные в XVI веке, и оставил после себя самый ценный из всех географических трудов средневековья” .

Эти слова принадлежат известному специалисту по исторической географии немцу Рихарду Хеннигу, и в них нет ни малейшего преувеличения. Не менее категоричен в своей высокой оценке Ибн Баттуты соотечественник Р.Хеннига, крупнейший ориенталист XIX века Карл Буркхардт. “Ибн Баттута, - писал он, - был может, самый великий путешественник на земле, который когда-либо описывал свои путешествия”.

А вот что сказал об Ибн Баттуте замечательный русский арабист, глубокий знаток Востока академик И.Ю.Крачковский:

“Судьба сделала из него географа, так сказать, волей-неволей и выработала в нем редкий для арабов тип путешественника, который обрек себя на скитания из неудержимой страсти к ним и любопытства. Интерес к местам у него был всецело подчинен интересу к людям, и, конечно, ни о каких изысканиях в области географии он не думал, но, может быть, потому его книга оказалась единственным в своем роде описанием мусульманского и вообще восточного общества в XVI веке. Эта богатая сокровищница не только для исторической географии или истории своего времени, но и для всей культуры той эпохи” .

Мухаммед ибн Джузаяй завершил записи путевых впечатлений Ибн Баттуты в конце 1355 года и в следующем году занялся их литературной обработкой. Чуть позднее Абу Инану была представлена объемистая рукопись, в колофоне которой изящным магрибинско-испанским письмом был выведен автограф составителя: “Составление книги завершилось в месяце сафаре 757 года хиджры” (в феврале 1356 года). На титульном листе – название книги: “Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий”. Звучит изысканно и витиевато, чем, впрочем, отличается и вес стиль этого

сочинения, написанного рукой профессионального литератора и канцеляриста вполне в духе позднеарабской эпистолярной прозы. Стараясь ни в чем не отступить от традиции, предусматривавшей использование характерных для этого жанра приемов, Мухаммед ибн Джузая внес в мемуары Ибн Баттуты немало отсебятины, каковой, к примеру, являются написанные рифмованной прозой панегирики, многочисленное вкрапления стихов известных, малоизвестных и вовсе никому не ведомых поэтов и даже вставки из ранних географических трудов. Таковы были требования жанрового этикета, но они, к счастью, не испортили книгу, так как редактор обладал чувством меры, и его литературные экзерсисы не смогли полностью заглушить живого беспримесного голоса Ибн Баттуты, его яркой эмоциональности, доверительных разговорных интонаций, сообщающих повествованию особую доходчивость и достоверность.

О последних годах Ибн Баттуты мы практически ничего не знаем. Известно лишь, что остаток жизни он провел в достатке и почете, никуда уже не отлучался из родных мест и умер в преклонном по тем временам возрасте в 1377 году.

А вот судьба продиктованной им книги оказалась куда более драматичной. Вскоре после смерти автора о ней попросту забыли, и величайшее из географических сочинений средневековья могли бы навсегда быть утерянными, не попадись в руки сирийскому поэту XVII века ал-Байлуни, известному под прозвищем Абу Муфлих, который извлек из него описания святых мест, завий, мусульманских подвижников и их чудодейств и выпустил все это отдельной книгой, предварив ее собственным стихотворным прологом. По счастливой случайности эта книга, названная издателем “Извлечениями из “Путешествий” Ибн Баттуты Андалусского из Танжера”, в начале XIX века была приобретена немецким географом Зеетценом для готской библиотеки и таким образом вошла в европейский научный обиход. Вскоре появились первые переводы “извлечений”. В 1818 году немецкий ориенталист Дж.Кзегартен опубликовал научное исследование и латинский перевод трех глав книги, посвященных Индии, Китаю и Судану, а годом позже его ученик Г.Анец сделал достоянием европейского читателя описания Малабарского побережья и Мальдивских островов.

Эпоха Ибн Баттуты была поистине замечательной для истории исследований Востока. На два столетия, со второй половины XIII по середину XV века, то есть время, предшествовавшее Великим географическим открытиям, приходится немало непревзойденных по широте географического охвата и историческому значению путешествий в страны Азии. Этому в известной степени способствовали объективные причины, и в первую очередь, существование обширных государств на Востоке,

объединённых в две громадные группы: арабо-мусульманскую – на западе и монгольскую – на востоке.

В середине XIII века папские послы добрались до монгольской столицы Каракорум. Последние десятилетия XIII века ознаменовались замечательным путешествием Марко Поло. В это же время побывал в Китае итальянский монах Джованни Монтекорвино, а в 1322 – 1328 годах Одорико из Порденоне. В начале XV века страны Ближнего Востока и Средней Азии посетило кастильское посольство во главе с Рюи Гонзалесом Клавихо. А во второй половине того же столетия совершил свое знаменитое “хождение” за три моря тверской купец Афанасий Никитин. К этому же периоду относятся и два величайших путешествия, предпринятые самими “жителями Востока” - плавание китайского флотоводца Чжен Хе и двадцативосьмилетнее странствие марокканца Ибн Баттуты.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Ибн Баттута только по протяженности своих маршрутов занимает первое место в списке средневековых путешественников. За время странствий им было пройдено около ста двадцати тысяч километров по суше и по морю, причем по большей части в сопровождении гарема и каравана с товарами. Он посетил страны, расположенные на громадной территории, простирающейся от сорокового градуса северной широты до десятого градуса южной широты.

Сравнение Ибн Баттуты с Марко Поло не случайно. У них, действительно много общего. И тот, и другой совершили свои путешествия в эпоху существования обширных государств на территории Азии – Марко Поло умер в 1324 году, то есть за год до начала путешествия Ибн Баттуты. Оба они не вели записей во время странствий, а продиктовали воспоминания о них по возвращении на родину: марокканец – по приказу своего монарха, а венецианец – чтобы убит скуку во время пребывания в тюрьме. Странствия венецианца длились около семнадцати лет, марокканца – около двадцати восьми. Их сообщения о посещенных странах часто совпадают или дополняют друг друга. Иногда, впрочем, и противоречат. Это и не удивительно. Марко Поло много лет прожил в Китае, достаточно хорошо изучил и, пожалуй, понял эту страну. О странах, лежавших на его пути в Китай, он рассказывал по собственным впечатлениям, часто весьма мимолётным. Остальные же районы, о которых речь идет в его книге, описаны с чужих слов, иногда малодостоверных.

Что же касается его марокканского собрата, то он значительно меньше принимал на веру рассказы фантастического содержания. Ибн Баттута описывал только то, что видел сам. С чужих слов он писал лишь “исторические экскурсы” и повествования о чудесах и жизни святых. В мусульманских странах, то есть на большей части маршрута, он был “своим”, и, таким образом, мог правильно оценить и передать увиденное и услышанное. В

Китае он пробыл недолго и не смог как следует разобраться в особенностях этой страны. Если Марко Поло мы можем назвать путешественником по владениям монгольских ханов, то Ибн Баттута принадлежит описание всего мусульманского мира.

Таким образом, при сопоставлении путешествий Ибн Баттута с “Книгой Марко Поло” явно обнаруживается превосходство первого над вторым. Арабский соперник Марко Поло проделал втрое больше расстояние, успев побывать в трех частях света и плавать по морям трех океанов.

Характер самих авторов представляется нам совершенно различным. Это нашло отражение в их манере повествования. Марко Поло спокойно констатирует увиденное или передает услышанное от других. Ибн Баттута как бы заново переживает все, что было им видно и слышано во время путешествий. Он не только сообщает информацию, но и воспроизводит те эмоции, которые были вызваны тем или иным событием. Если в “Книге Марко Поло” нарисованы картины далеких стран с их городами и достопримечательностями, то со страниц “Подарка созерцающим...” смотрят на нас то удивленные, то восторженные, то опечаленные глаза “очарованного странника”, повествующего о людях, которых довелось ему увидеть. Он заставляет читателей радоваться вместе с ним великолепию городов и изобилию базаров, предаваться горести при виде бедных, разорённых стран, а иногда и улыбаться, читая немного наивные и восторженные рассказы о чудесах. Он не скупится на слова, описывая что-либо особенно поразившие его. Отдельные меткие и образные сравнения раскрывают несомненную способность нашего марокканца ценить прекрасное. “Город, не имеющий себе равных по красоте и величию, место встречи людей, идущих отовсюду, прибежище слабых и сильных”, - пишет он о Каире и добавляет далее, что город этот одновременно мрачен и весел, расчетлив и расточителен, бесчестен и благороден, богат и беден, прост и знаменит.

По живости и непосредственности восприятия Ибн Баттута скорее всего можно сравнить с Афанасием Никитиным. И марокканский и тверской купцы, несмотря на присущую им страсть к путешествиям ради путешествий, возвращаются на родину именно из-за неодолимой тоски по ней. Достаточно вспомнить, как Никитин сетует на неверие, царящее в Индии, а Ибн Баттута – в Китае. Оба они, несомненно, как нельзя лучше характеризуют свою эпоху, с ее взглядами и представлениями.

“Он предстает перед нами то в образе благочестивого паломника, то опытного купца, то чиновника, действуя в различных мусульманских странах, - пишет Р.Хенинг, - но ко всему этому Ибн Баттута был еще настоящим исследователем. Он жадно впитывал все впечатления и оставил нам, к счастью, очень подробный, можно даже сказать

объёмистый, труд, настоящую географическую сокровищницу. Ибн Баттута видел, пожалуй, в три раза больше чужих земель, чем Марко Поло... Труд этого путешественника стоит на недосягаемой высоте и Ибн Баттута вполне заслуженно считается мусульманским Марко Поло” .

Отправляясь в путешествие, Ибн Баттута не ставил перед собой никаких научных целей. Руководил им прежде всего неукротимый интерес к тому, как живут люди в различных странах. Причем, этот интерес имел определенную направленность: только мусульманские страны. Учитывая, что ислам тогда был уже распространен в той или иной степени на значительной части Азии, а также в Северной, Западной и Восточной Африке и являлся также господствующей идеологией большого числа стран от Атлантического океана до западных границ Китая, можно сказать, что Ибн Баттута имел чрезвычайно широкий, практически почти не ограниченный ареал странствий. Во всяком случае, он охватил все мусульманские страны Азии и Африки.

Подобная направленность интересов Ибн Баттуты придает особую важность его путешествиям для современной науки. На страницах “Подарка созерцающим...” мы находим интереснейшие сравнения тех форм ислама, которые он принял в различных странах. Причем, сравнение — это сделано человеком не случайным, а глубоко сведущим в мусульманской догматике. Наиболее ярко вырисовываются несколько аспектов сравнения, прежде всего в области мусульманского права и организации судопроизводства. Другой аспект – системы управления, административный аппарат и стили политического руководства. Хорошо знакомый с положениями ортодоксального ислама, Ибн Баттута сразу же подмечает все отклонения от канонов, принятых в Магрибе или Египте. Одним словом, все, что так или иначе связано с мусульманской религией, не ускользает от его внимания. На первое место он выдвигает обычно рассказы о святых, праведниках и т.п., среди которых мы находим важные биографические сведения о различных исторических личностях.

Важное место занимают также описания ритуалов, обрядов и праздников. Так, находясь в Каире, Ибн Баттута обратил внимание на то, что жители города очень любят устраивать пышные празднества. Сам он присутствовал однажды на одном из таких шумных торжеств, длившемся в течение нескольких дней. Вес город был украшен шёлковыми тканями и разноцветными флагами – все это только лишь по случаю излечения египетского султана от перелома руки. Большую ценность представляют описания обрядов, связанных с паломничеством мусульман в Мекку.

Поскольку именно люди занимают у него центральное место во всех описаниях (в противоположность большинству других средневековых авторов), польский востоковед А.Зайончковский считает, что девизом путешествий Ибн Баттуты вполне можно принят арабское изречение: “Сначала сосед, а потом дом, сначала товарищ [по путешествию], а потом дорога”.

Интерес к людям обусловил наличие другого важного аспекта изучения “Подарка созерцающим...”. В книге достаточно отчетливо охарактеризованы некоторые элементы социальной структуры стран Востока. Описывая каждую страну, Ибн Баттута подробно останавливается на характеристике ее правителя, его ближайшего окружения, судей, рассказывает о функциях отдельных чиновников. Сообщает он и о различных группах и слоях общества, и их взаимоотношениях. Будучи посторонним наблюдателем, он достаточно критически оценивает различные формы общественных и политических институтов.

Сведения об общественном устройстве дополняются обширным материалом, характеризующим экономическое положение стран Востока. Ибн Баттута, как опытный купец, подмечает даже незначительные моменты, связанные с торговлей, рассказывает о предметах ввоза и вывоза, путях сообщения и расстояниях между городами, базарах и морских портах. Его интересуют также цены на товары, деньги, находящиеся в обращении, потребность населения в тех или иных продуктах.

И, наконец, следует отметить еще один важный аспект изучения путешествий Ибн Баттуты – история культуры Востока, прежде всего архитектуры. Интерес к мусульманским святыням побудил его подробно описывать мечети и другие культовые сооружения. Попутно он рассказывает и о дворцах, крепостных стенах и просто жилых зданиях, часто дополняя рассказ сообщениями об общей планировке городов. Эти сведения оказываются полезными при восстановлении облика средневековых городов или отдельных памятников.

Труд Ибн Баттуты в целом представляет громадную ценность для науки прежде всего тем, что рисует правдивые картины городов и стран Востока с их природой, хозяйством, жителями, дает великолепный географический обзор всего доступного ему мира. Книга характеризует также и представления средневекового арабского купца, через призму восприятия которого мы видим эти картины. Ибн Джузайя, несомненно, был прав, заканчивая “Подарок созерцающим...” следующими словами: “Для каждого одаренного мудростью не будет сокрытым то, что шейх этот является путешественником нашего

столетия, и не будет преувеличением, если кто скажет, что он – путешественник всего этого общества” .

Понимая, что речь идет об уникальном географическом труде, ученые-востоковеды начали напряженные поиски подлинного текста Ибн Баттуты. Удачливей других был португальский священник Ж.С.А.Моура. Оказывается, еще в 1797 году, находясь в Фесе, он приобрел один из списков “Подарка созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий”, но поначалу не придавал рукописи особого значения и лишь после выхода в свет перевода ал-Байлуни понял, какой ценный документ находится в его руках. В 1840 году Лиссабонская академия выпустила в свет перевод первого тома книги, в котором был отражен первый этап странствий Ибн Баттуты, включая посещение Золотой Орды. Смерть помещала Ж.С.А.Моуре завершит свой гигантский труд, и вторая часть книги так и осталась неизданной.

В 40-х годах XIX века несколько отрывков из “Путешествий” Ибн Баттуты опубликовали французские востоковеды Де Слан, Эдуард Дюлоре и Ш.Дефремери. Ш.Дефремери в творческом содружестве с итальянцем Б.Сангинетти занялся тщательным исследованием всех обнаруженных к тому времени списков, и в 1853-1858 годах они выпустили на арабском и французском языках полный текст сочинения Ибн Баттуты в четырёх томах.

Это и было настоящим открытием Ибн Баттуты и его книги. После многовекового перерыва она вновь попала в поле зрения учёных, и сегодня едва ли найдется востоковед-медиевист, который не использовал бы в своих исследованиях огромный фактический материал, собранный в XIV веке неутомимым магрибинцем. Открытый и по достоинству оценённый европейскими учёными, великий путешественник с триумфом возвратился на родину, в арабские страны, где его стали издавать и переиздавать, включать в школьные учебники и хрестоматии.

Сегодня волнующий рассказ Ибн Баттуты звучал на многих языках мира. Наиболее ценной учёные считают публикацию, подготовленную на английском языке крупным востоковедом Гамилтоном Гиббом, который принялся за работу в конце 20-х годов, а закончил ее в 1971 году.

Полные переводы книги Ибн Баттуты, кроме английского и французского, имеются на немецком, итальянском, шведском, чешском и польском языках. Интересовались ею и в России. В 1841 году в журнале “Русский вестник” были опубликованы выдержки из сочинений Ибн Баттуты, содержавшие описание его странствий по Крыму и Золотой Орде. А в конце XIX века известный востоковед В.Тизенгаузен включил воспоминания

Ибн Баттуты об Улусе Джучи в свой труд “Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды”.

Впервые “Путешествие” было переведено на русский язык узбекскими востоковедами Н.Ибрагимовым и Т.Мухтаровым в 1996 г. , переводчики снабдили перевод обширным научным комментарием. Читателям журнала предлагается небольшой отрывок из “Путешествия”

Через 10 дней после отъезда из ас-Сарра мы прибыли в город Сараджук , джук значит “маленький”. Они таким образом хотели выразит, что это ас-Сарра Малый. Город этот расположен на берегу полноводной, крупной реки, называемой Улу-су , значение чего “великая вода”. Через нее переброшен мост из лодок , такой же как в Багдаде. В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы закончилось. Там мы продали их по четыре динара денег за лошадь и меньше этого, ввиду их слабости и дешевизны в этом городе, и наняли верблюдов, чтобы тянут арбы. В этом городе находится завийа праведного старца из тюрков, которого называют ата, что значит “отец”. Он угостил нас в завийе и благословил. Принимал нас также кади этого города, имени которого я уже не помню.

Оттуда мы ехали тридцать дней, торопясь, останавливаясь в день не более двух раз – поздним утром и на заходе солнца. Привалы занимали столько времени, сколько требовалось для того, чтобы приготовить суп из бурдюков и съесть его, а варится он скипеп один раз. У них с собой бывает сушеное мясо, которое кладут в него и поливают кислым молоком. Каждый путешественник даже на время еды и сна не прерывает езды на арбе. У меня в моей арбе были три невольницы.

Обычно те, кто едет по этой степи, торопятся из-за недостатка корма. Большинство верблюдов, пересекающих эту пустыню, гибнут, а остальных можно использовать еще через год, после того как они нагуляют жир. Вода в этой пустыне встречается в известных водопоях на расстоянии двух или трех дней: это дождевая и колодезная вода .

Город Хорезм

Перейдя эту пустыню и пересекши ее, как мы об этом рассказывали, мы прибыли в Хорезм . Это самый большой, значительный, красивый и величавый город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами . В городе кипит жизнь, и из-за стол большого числа жителей он кажется волнующимся морем. Однажды, проезжая по городу, я зашел на рынок, а когда добрался до середины, оказался в самом шумном месте, которое называют шаур . Толчея была такая, что я не мог двинуться ни вперед, ни назад. Я постоял там, растерявшись, и

лишь после долгих усилий выбрался. Кто-то сказал мне, что в пятничные дни на этом базаре меньше толкотни, поскольку в этот день закрывают базар ал-Кайсарийа и другие базары.

В пятницу я верхом отправился в соборную мечеть и медресе. Этот город находится под властью султана Узбека, имеющего там своего великого амира по имени Кутлудумур. Этот амир построил медресе и другие примыкающие к нему помещения. Что касается мечети, то ее построила его благочестивая супруга Турабек-хатун. В Хорезме есть лечебница, в которой работает сирийский врач по нисбе ас-Сахйуни. Как видно из этой нисбы, он из местности Сахйун в Сирии. Во всем мире мне еще не доводилось встречать людей более благонаправленных, чем хорезмийцы, более благородных, более гостеприимных по отношению к чужестранцам. У них прекрасный обычай для исполнения молитвы, подобного которому я нигде не встречал, кроме как у них. Заведено, что каждый муаззин обходит дома, расположенные поблизости от его мечети, извещая о наступлении часа молитвы. Того, кто не присутствовал в общей молитве, имам бьет в присутствии общины. В каждой мечети висит для этого плед. Кроме того налагается штраф в размере пяти динаров, которые расходуются в пользу мечети и для угощения бедняков и неимущих. Говорят, обычай этот существует с древних времен.

За Хорезмом протекает река Джайхун, одна из четырех рек, которые берут начало в раю. Эта река, подобно Итилю, зимой замерзает, и тогда люди могут по ней ходить. Она покрыта льдом в течение пяти месяцев. Иногда те, кто ходит по ней при начале ледохода, погибают. В летние дни по реке плавают на судах в Термез и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Это десять дней пути по течению.

При выезде из Хорезма находится завийа, построенная на могиле шейха Наджм ад-дина ал-Кубра, одного из величайших праведников. Там готовят угощение для приезжающих и отъезжающих. Ее шейхом состоит мударрис Сайф ад-дин ибн Асаба, один из почтенных жителей Хорезма. Рядом расположена еще одна завийа, шейхом которой является благочестивый муджавир Джалал ад-дин ас-Самарканди, один из величайших праведников. Он угостил нас у себя. За городом также имеется гробница ученого имама Абу-л-Касима Махмуда ибн Умара аз-Замахшари, над которым возведен мавзолей. Замахшар - селение в четырех милях от Хорезма.

Когда я прибыл в этот город, я остановился за его пределами. Один из моих людей направился к кади садру Абу Хафсу Умару ал-Бакри. Он послал ко мне своего заместителя (на иба) Нур ал-ислама, который приветствовал меня и вернулся к садру. Затем явился сам кади во главе группы своих людей и приветствовал меня. Годами он был

молод, но делами – велик. У него было два заместителя – на иба, один из которых – упомянутый Нур ал-ислам, другой – Нур ад-дин ал-Кирмани, один из видных законоведов, твёрдый в своих суждениях и сильный в своей вере в Аллаха Всевышнего.

Когда состоялась наша встреча с кади, он сказал мне: “В этом городе очень большая толчея, и нам не удастся войти в него днем, к вам придёт Нур ал-ислам, и вы войдете с ним в конце ночи”. Мы так и сделали, и остановились в новом медресе, в котором никого не было. После утренней молитвы к нам пришел упомянутый кади, и с ним группа знатных людей города, среди которых были мавлана Хумам ад-дин, мавлана Зайн ад-дин ал-Мукаддаси, мавлана Джалал ад-дин ал-Имади и мавлана Шамс ад-дин ас-Санджари – имам хорезмского амира. Все они достойные и почтенные люди. В их вере преобладает учение му тазилитов, но они не показывают этого, потому что султан Узбек и Кутлудумур, его амир в этом городе – сунниты.

В дни моего прибывания в этом городе я совершал пятничную молитву с упомянутым кади Абу Хафсом Умаром в его мечети и по совершении молитвы шел с ним в его дом, находившийся по близости. И я входил с ним в приемную (маджлис), а это был прекрасный зал, убранный красивыми коврами, со стенами, обитыми сукном, с множеством ниш, в каждой из которых стоят серебряные сосуды с позолотой и иракские кувшины. Обычно жители той страны так убирают свои дома. Затем подавались многочисленные блюда. Кади был богатым человеком, обладал огромным состоянием и имуществом. Он свояк амира Кутлудумура, поскольку женат на сестре его жены по имени Джиджа-Ага.

В этом городе есть несколько оповестителей и проповедников. Крупнейшими из них были мавлана Зайн ад-дин ал-Мукаддаси и хатиб мавлана Хусам ад-дин ал-Машати – один из четырёх красноречивых проповедников в мире, лучше которых я не слышал.

Амир Хорезма

Он – великий амир Кутлудумур, имя его означает “благословенное железо”, так как кутлу значит “благословенный”, а думур – “железо”. Амир этот – сын тетки по матери великого султана Мухаммада Узбека и величайшего из его амиров. Он же является его наместником (вали) в Хорасане. Ее мат – царица Тайтугли, о которой было сказано ранее. Жена Кутлудумура Турабек-хатун известна своим благородством. Когда кади пришел, чтобы приветствовать меня, как я о том говорил, он сказал мне: “Амир уже знает о твоём приезде, но он еще болен, и это не позволяет ему прийти к тебе”.

Я поехал вместе с кади навестит амира. Мы прибыли к нему домой и прошли в обширное приемное помещение (мишвар), большинство покоев которого были

деревянные. Затем мы вошли в малый зал с деревянным инкрустированным куполом, стены в нем были обиты разноцветным сукном, а потолок златотканым шелком. Амир сидел на шелковой постели, ноги его были укутаны по причине подагры. Эта болезнь распространена среди тюрков.

Я приветствовал амира, и он усадил меня рядом с собой. Сели также кади и факихи. Амир расспрашивал меня о своем повелителе, царе Мухаммад Узбеке, о хатун Байалун, - о ее отце и о городе Константинополе. Я рассказал ему обо всем этом. Затем были принесены подносы с угощениями: жареные куры, журавли и молодые голуби, пирожки, замешанные на масле, называемые кулича, печенье и разные сладости. Принесли еще и другие подносы, на которых были фрукты – очищенные гранатовые зернышки в золотых и серебряных сосудах с золотыми ложками, а часть – в иракских стеклянных сосудах с деревянными ложками, виноград и удивительные дыни.

У этого амира было принято, чтобы кади приходил каждый день в его приемную и садился на место, отведенное для него, а вместе с ним факихи и писцы. Напротив него садился один из главных амиров и с ним восемь старших тюркских амиров и шейхов, называемых йаргуджи. Люди обращаются к ним с тяжбами. Если дело относится к шариатским, то по ним решение выносит кади, а по другим делам выносят решение эти амиры. Их решения точны, справедливы, потому что их не заподозрят в пристрастии, и они не берут взятки.

Мы вернулись в медресе, после того как были приняты амиром, и он послал нам рис, муку, овец, масло, разные приправы и вязанки дров. Во всей стране не знают угля, так же как в Индии, Хорасане и Иране. Но в Китае используют для топлива камен (т.е. каменный уголь), превращается в золу, ее замешивают с водой, сушат на солнце и готовят на этом топливе до тех пор, пока оно совсем не исчезнет.

Рассказ о достоинствах этого кади и амира

В одну из пятниц я молился, как обычно, в мечети кади Абу Хафса, и он сказал мне: “Амир приказал дать тебе пятьсот дирхамов и устроит угощение, на которое будет израсходовано еще пятьсот дирхамов. На нем будут присутствовать шейхи, факихи и знатные лица. Когда амир приказал это, я сказал ему: “О, амир, ты устроишь угощение, присутствующие на котором съедят по куску или по два, если же ты отдашь ему все эти деньги, это будет для него гораздо полезней”. Он сказал: “Я так и сделаю”. И назначил тебе тысячу дирхамов полностью”. Затем амир послал в сопровождении своего имама Шамс ад-дина ас-Санджари деньги в мешке, который принес его слуга. Стоимость этих дирхамов на магрибское золото равняется тремстам динарам.

В тот день я купил вороного коня за тридцать пять динаров и поехал на нем в мечет. Я отдал его цену из той же тысячи. После этого у меня стало много коней. Число моих лошадей достигло такой цифры, которую я не называю, чтобы не солгать. Число лошадей у меня продолжало возрастать, пока я не прибыл в Индию. У меня было много лошадей, но я предпочитал этого коня, ухаживал за ним и привязывал впереди всех лошадей. Он был у меня три года, я когда пал, я был сильно огорчен.

Жена кади – хатун Джиджа-Ага послала мне сто динаров денег. Ее сестра Турабек, жена амира, устроила пиршество, на которое пригласила факихов и знатных людей города. Этот пир был устроен в построенной ею завии, где кормили приезжавших и уезжавших. Она послала мне соболу шубу и хорошего коня. Она лучшая, праведнейшая и благороднейшая женщина. Аллах да вознаградит ее добром.

Рассказ

Покинув пиршество, устроенное в мою честь этой знатной госпожой, я вышел из завийи и в дверях повстречал женщину, одетую в поношенное платье. Голова у нее была закрыта чадрой, с ней были женщины, числа которых не помню. Она приветствовала меня, на что я ответил, не останавливаясь и не обращая внимания на нее. Когда я был уже на улице, меня догнал кто-то из бывших при этом людей и сказал: “Женщина, которая приветствовала тебя, и ест Турабек-хатун”. Я устыдился, услышав эти слова, и хотел вернуться к ней, но узнал, что она уже ушла. Я передал ей привет через одного из ее слуг и извинился за то, что не узнал ее.

Хорезмская дыня

Как на востоке, так и на западе (мусульманского) мира нет дынь, подобных хорезмским, за исключением бухарской, за которой следует исфаханская дыня. Кожа ее зеленая, мякоть красная, очень сладкая и при этом твердая. Удивительно, что ее разрезают на куски, сушат на солнце и кладут в корзины, как у нас делают с сушёными фигами (шариха) и малагским инжиром, и везут из Хорезма в дальние города Индии, Китая. Среди всех сушёных фруктов нет лучше ее. Во время моего пребывания в индийском городе Дели, когда прибывали путешественники, я посылал кого-нибудь к ним купить мне сушеной дыни. Царь Индии, если ему привозили даже немного ее, присылал мне, так как знал мое пристрастие к ней. Он имел привычку угощать чужеземцем плодами своей страны и этим высказывал свою заботу о них.

Благородный купец

Из города ас-Сарра до Хорезма меня сопровождал шариф из жителей города Карбала по имени Али ибн Мансур. А был он из купцов. Я обычно просил его купить мне одежду и

другие вещи. Он покупал мне одежду за десять динаров, а мне говорил: “Я купил ее за восемь”. Таким образом он получал с меня восемь, приплатив два динара из двоих денег, а я не знал этого, пока людская молва не осведомила меня. Так он дал мне займы некоторое количество динаров. Когда же амир Хорезма одарил меня, я вернул этому купцу то, что он одолжил мне. Я хотел отблагодарить его в ответ на его добрые поступки, но он отказался и заклинал меня, чтобы я не делал этого. Тогда я решил вознаградить его слугу по имени Кафур, но он заклинал меня, чтобы я и этого не делал. Этот человек был самым щедрым из иракцев, которых я встречал. Он решил отправиться со мной в Индию. В это время группа его земляков прибыла в Хорезм, намереваясь совершить путешествие в Китай, и он собрался ехать с ними. Я напомнил ему о том, что он хотел поехать со мной, на что шариф ответил: “Это мои земляки, которые вернутся к моей семье и родственникам и скажут, что поехал в Индию за чужой счет, как нищий. Это будет позором для меня и я не сделаю этого”. И он поехал в Китай.

Прибыв в Индию, я узнал, что он достиг города Алмалык, а это конец земель правителя (наместничества) Мавераннахра и начало Китая. Он остановился там и послал своего слугу со всеми товарами. Слуга запоздал с возвращением, а в это время из его страны приехал к Алмалык некий купец и остановился на постоялом дворе с ним. Шариф попросил у него займы денег, пока не вернется его слуга. Купец отказал ему в этом, а потом еще хуже поступил с шарифом: не давая ему опомниться, наказал, чтобы с него брали большую плату за помещение на постоялом дворе. Шариф узнав об этом был вне себя от горя, он вошел в свою комнату и зарезался. Его застали, когда он был еще жив. Заподозрили в убийстве его слугу, но купец сказал: “Не поступайте с ним несправедливо, я сам сделал это с собой”, и он скончался в тот же день, да простит его Аллах! Этот шариф мне рассказывал о себе, что однажды взял у одного дамасского купца шесть тысяч дирхамов. Купец встретил его в городе Хама в Сирии и потребовал свои деньги, а он уже продал товары в кредит, купленные на те деньги. От стыда перед владельцем тех денег он вошел в дом, привязал свою чалму к потолку и хотел повеситься, но ему было суждено умереть позже – он вспомнил своего друга ростовщика, направился к нему и рассказал о своем деле. Тот дал ему займы деньги, которые он и возвратил купцу.

Когда я собрался уехать из Хорезма, я нанял верблюдов и купил паланкин (махара). Спутником моим по паланкину был Афиф ад-дин ат-Тузари. Част лошадей оседлали слуги для себя, а на остальных мы накинули попоны от холода и вошли в пустыню, находящуюся между Хорезмом и Бухарой. Она составляет восемнадцатидневный путь в песках, на котором есть только одно селение. Я простился с амиром Кутлудумуром. Он

одарил меня халатом , а кади мне подарил другой халат и вышел с факихами, чтобы проводит меня.

Мы ехали четыре дня и достигли города ал-Кат . На этом пути нет другого селения, кроме него. Ал-Кат – небольшой и красивый город. Мы остановились за его пределами у пруда, замерзшего от холода. Мальчишки играли и катались на нем. О моем приезде услышал кади города Садр аш-шари’а, с которым я встречался в доме кади Хорезма. Он пришел приветствовать меня со своими учениками и набожным и благочестивым шейхом города Махмудом ал-Хиваки. Кади предложил мне поехать к амиру этого города. Тогда шейх Махмуд сказал: “Прибывшего навещают, если уж задумали, то пойдем к амиру города и приведем его!” И они так и сделали. Через некоторое время прибыл амир со своей свитой и слугами. Мы приветствовали его. Мы хотели ехать как можно быстрее, но он попросил нас остаться и устроил пир, пригласив на него законоведом, военачальников и прочих. Поэты стали восхвалят его. Он одарил меня одеждой и добрым конем. И мы ехали по дороге, известной как Сибайа , в этой пустыне шест дней без воды. Затем мы достигли города Вабканат . Он находится на расстоянии одного дня пути от Бухары. Это красивый городок с каналами и садами. Жители этого города сохраняют виноград в течение круглого года. У них есть плоды, называемые ал-алу. Их сушат и возят в Индию и Китай. Их заливают водой и пьют эту воду. Пока они свежие – сладкие, а когда их высушат, то становятся кислотатыми, в плодах много мякоти, я не видел ничего подобного ни в ал-Андалусе, ни в Сирии.

Затем мы ехали целый день среди сплошных садов и каналов, деревьев и обработанных полей и прибыли в город Бухара, откуда происходит имам мухаддисов Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исма’ил ал-Бухари . Этот город был столицей городов, которые находятся за реки Джайхун, но проклятый татарский Тенгиз , предок царей Ирака , разрушил его, и сейчас его мечети, медресе и базары в развалинах, за исключением немногих. А жители унижены, их свидетельство не принимается в Хорезме и других странах из-за того, что они прославились своим фанатизмом, лживыми притязаниями и отрицанием правды. В данное время среди людей там нет тех, кто был бы сведущ в науке, и нет тех, кто проявлял бы внимание к ней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ибн Баттута. Подарок созерцающим о диковинках городов. Каир, 1964.
2. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения том 4. Москва, 1957.
3. Мец А. Мусульманский Ренессанс. Москва, 1973.
4. Тумовский Т.А. Арабы и море. Москва, 1964.